

Инь Шоу засмотрелся на Чэнь Сяочэня. Тот был хорош собой: статный, с ясным взором и безупречной кожей — настоящий благородный муж, чистый и изящный, словно редкая орхидея. В груди царя что-то ёкнуло. Он неловко отвернулся и пробормотал:

— Если я пожалуйю тебе титул наложницы, будешь приходить ко мне на ночь?

Чэнь Сяочэнь замер.

«Брат, ну ты даёшь. Я всё слышал! Офигеть можно: я к нему со всей душой, как к лучшему другу, а он, оказывается, мечтает затащить меня в постель!»

Видя, что Сяочэнь молчит, Инь Шоу не выдержал и снова взглянул на него. Сяочэнь от злости осушил две чашки чая и несколько раз яростно сплюнул заварку.

Вышло, честно говоря, так себе.

Инь Шоу снова отвел взгляд. В комнате внезапно стало душно. Видимо, погода разгулялась.

— Ну так что? — спросил он через минуту, не дождавшись ответа.

Чэнь Сяочэнь посмотрел ему прямо в глаза. Ему показалось, что во взгляде Инь Шоу промелькнуло нечто странное, но развивать эту мысль совершенно не хотелось.

— Знаешь что, — сказал он. — Давай-ка я лучше верну тебе Меч из соснового дерева.

— А? Но если та лиса придёт за тобой? — Инь Шоу затревожился. Больше всего его задело, что Сяочэнь уже второй раз тактично его отшивает. Он насупился и обиженно буркнул: — Тебе что, так трудно со мной переночевать? Мы ведь братья, нет?

— Слушай, дружище, — перебил его Чэнь Сяочэнь. — Ты вообще соображаешь, где мы? Это же древность! Глубокая! Плевать всем на нашу святую социалистическую дружбу. Стоит мне разок лечь в постель Великого Вана — и всё, я официально «искушаю государя красотой». Понимаешь, о чём я?

— Скажем, что это было не по твоей воле, — не сдавался Инь Шоу. — Что я тебя заставил. Для жестокого Чжоу-вана это вполне в рамках образа, разве нет?

— Слушай, а не проще ли сослать Дацзи куда-нибудь на окраину? — предложил Сяочэнь. — Без неё как прикрытия лис вряд ли будет так наглеть. Кстати, почему ты до сих пор его не пришиб? Сам ведь теперь страдаешь.

— Я... мне не по себе, конечно, но он ведь не причинил мне зла, — вздохнул Инь Шоу. — Да и Дацзи — несчастная женщина. На окраине она просто не выживет. Не могу я взять на душу грех за невинную жизнь.

Он снова посмотрел на друга, на этот раз почти с мольбой:

— Ну поживи ты во дворце пару дней. Мы же порядочные люди, чего нам бояться?

Сяочэнь не выдержал и хмыкнул:

— Ты либо святая простота, либо дурак. Как я могу остаться «порядочным», если окажусь в твоей койке?

— Да что я тебе сделаю? Я же не всерьёз... Пожалуйста, Тяньюй... Сяо Тянь-Тянь... Сяо Юй-Юй... — Инь Шоу умоляюще посмотрел на него.

Сяочэнь дрогнул.

— Ладно, ладно! Буду я твоей «грелкой» пару ночей. Но у меня есть условие.

Инь Шоу оживился:

— Какое?

Сяочэнь коварно усмехнулся:

— Будем почаще заглядывать во дворец Дацзи.

— Кхм, — Инь Шоу кашлянул. — Жену друга не трогают.

— Да я и не собираюсь ничего трогать! Просто посмотрю. Этот твой Чжоу-ван собрал всех красавиц империи, так хоть погляжу на них.

— Красавиц больше нет. Дацзи всех извела.

— Врёшь. Я видел парочку служанок — очень даже ничего.

— Это лисы-оборотни. Будь осторожнее, не подцепи какую-нибудь заразу.

— У меня Меч из соснового дерева! Чего мне бояться?

— Тебя-то я не боюсь, — проворчал Инь Шоу. — Я за тебя боюсь. Не натвори глупостей.

— Боишься, значит? — Сяочэнь развязно улыбнулся. — Раз уж нам суждено делить ложе, смотри — если между нами проскочит искра, я не виноват!

Инь Шоу смущенно рассмеялся. Ему было и неловко, и радостно одновременно. Раз Сяочэнь согласился — остальное неважно. Пусть хоть на красавиц смотрит, лишь бы был рядом и не подпускал к нему этого лиса. (Синьюэ Ху в этот момент наверняка почувствовал, как на пути их великой любви снова вырос булыжник).

Договорившись, они принялись за завтрак. После еды переместились в кабинет — перекинуться в го и обсудить положение дел. Чэнь Сяочэнь, хоть и числился мелким чиновником, в политике разбирался прекрасно и видел ситуацию насквозь. Он не примыкал ни к каким кликам, взяток не брал и вёл себя тише воды, ниже травы. Если бы Инь Шоу его не выдал, он бы и дальше спокойно доживал свой век.

— Государственный наставник бросил триста тысяч солдат на том берегу Хуанхэ, — Сяочэнь поставил чёрный камень на доску, забирая несколько белых. — Это агония. Их там перещёлкают, как черепах в горшке.

— Разве это не было предрешено? — Инь Шоу лениво посмотрел на доску и сделал ход. — Пустые конвульсии.

— Иногда я тебе даже поражаюсь, — Сяочэнь взглянул на друга. — Ты даже не пытаешься бороться. Просто сидишь и ждёшь конца. Когда я только попал сюда, я от каждого взгляда Чжоу-вана трясся — думал, голову с плеч снимут.

— Я и есть Чжоу-ван, кого мне бояться? — Инь Шоу усмехнулся. — Пусть другие меня боятся.

— Знаю, что ты ничего не боишься. Кроме лиса в гареме, — Сяочэнь снова сделал ход, и белых камней на доске почти не осталось. — Слушай, ну сосредоточься! Играть же неинтересно.

— Я стараюсь, просто это мой предел. Если тебе не нравится, как я играю...

— Не ворчи. Просто будь повнимательнее.

Чэнь Сяочэню слишком редко выпадал шанс с кем-то поиграть, так что он был намерен выжать из этой партии всё.

— Ты ведь отправил Чжан Куэю двести тысяч воинов? Есть новости?

Инь Шоу замялся, чувствуя на себе взгляд друга.

— А, отправил. Наверное, уже дошли. Понимаешь, приказ-то я дал, но в самую войну лезть не хочу. Всё равно Цзян Цзыя и его банда всех перебьют.

— С таким настроением ты только зря расстраиваешь солдат на передовой, — Сяочэнь зашуршал камнями в чаше.

— А что мне делать? Лично в поход вести? — Инь Шоу горько улыбнулся. — Ты же знаешь, я в этом деле ни в зуб ногой. Попал сюда не вовремя — Чжоу-ван уже всё профукал. Репутация — дерьмо, сторонники разбежались. Династия при смерти, что я могу изменить? Даже пытаться лень. Слишком утомительно. Лучше буду просто есть и пить, пока город не падёт. А когда всё закончится, поднимусь на Лутай, разведу костёр — и дело сделано. Миссия выполнена.

— В чём-то ты прав, — согласился Сяочэнь. — Против течения не поплывёшь. Сколько верных слуг пытались его вразумить — всех перерезал. Слушай он хоть изредка, не докатился бы до такого.

— Вот именно. Он заслужил свою участь, а я-то при чём? — Инь Шоу развёл руками. — Я просто козёл отпущения.

— Тогда забей на всё. Живи в своё удовольствие, пока есть время. Кто знает, может, после того костра мы сразу очнёмся в нашем времени. Как будто проснулись после долгого сна.

— Я тоже на это надеюсь. Я в той жизни был парнем приличным, грехов не копил. Неужели небеса ко мне так жестоки?

— А я-то чем провинился? — Сяочэнь вздохнул. — Неужели это кара за мой прежний образ жизни? Да, я гулял, но я же никого не убил, не ограбил! Я был образцовым гражданином!

Инь Шоу прыснул, глядя на то, с какой скорбной миной «образцовый гражданин» сокрушается о судьбе.

— Смейся-смейся, ржать-то каждый горазд! — Сяочэнь фыркнул. — Твой ход. Думай давай.

— Вечером едем во дворец, — Инь Шоу поставил камень. — Там и доиграем.

— Глядя на твой уровень, я уже как-то и не горю желанием.

— Там три тысячи красавиц, — заманивал царь.

— Ты же сказал, Дацзи их извела?

— Значит, осталось две тысячи.

— Хм. Неужели решил мне кого-нибудь подарить?

— Если тебе кто и впрямь приглянется... — Инь Шоу вдруг замялся и смущённо покосился на друга. — Тяньюй, а у тебя... ну, в той жизни... была девушка?

— А ты сомневаешься? Я был богат, красив, девушки сами за мной бегали. Только успевай отбиваться.

— Ясно.

Инь Шоу внезапно разозлился.

— Значит, и правда вёл жизнь развратную, — буркнул он, бросая камень куда попало. — Неудивительно, что теперь тут монахом заделался. Это тебе наказание от небес за легкомыслие.

— Эй, давай без переходов на личности! Да что ты творишь? Ты куда камень вlepил? Ты меня в могилу сведёшь! Всё, ты проиграл. Посмотри на доску, это же позор. Начинаем заново.

Инь Шоу в го был полным профаном и игру не особо любил, но Сяочэню было скучно, так что пришлось подчиниться.

«Как же хочется домой...»

Они сыграли ещё несколько партий. Сяочэнь постоянно ругался: их игра напоминала урок профессионала с бестолковым новичком. Если бы Сяочэню не было так смертельно скучно, он бы в жизни на это не подписался. В конце концов он перестал играть всерьёз и начал учить друга основам, надеясь когда-нибудь дождаться от него достойного отпора.

Инь Шоу, которого отчитали уже раз десять, в конце концов закусил удила и начал вникать по-настоящему. Через пару партий дело пошло бодрее.

— Ха-а... — Сяочэнь сладко зевнул. — Всё, не могу больше, в сон клонит. Пойду прилягу. Ты сейчас во дворец?

— Да чего мне там делать? У тебя посплю. Поужинаем и поедем вместе.

— А твой телохранитель? Здоровяк этот? С ним что?

— Пусть стоит, где стоит. Слушай, тебе не кажется, что он малость... того? Придурковатый?

— Придурковатый — не беда, главное, чтобы своих узнавал, — Сяочэнь усмехнулся. — Помоему, он тебе предан до мозга костей. У меня в современности таких охранников не было.

— Пожалуй, в искусстве приручать людей Чжоу-ван знал толк, — Инь Шоу глянул в окно. Э Лай торчал там неподвижным изваянием. — С ним как-то спокойнее, — добавил он понизив голос.

— Да расслабься, ты не Цинь Шихуанди, за твоей головой очередь не стоит.

— Ой ли? Врагов хоть отбавляй. Чжоу-ван вроде мастером боевых искусств был, а я-то нет. Обидно, блин.

— Спи давай, мастер.

Сяочэнь встал и направился к выходу.

— Я на кровати хочу, — Инь Шоу поплёлся следом.

— На полу поспишь, — не оборачиваясь, бросил Сяочэнь.

— Я Великий Ван! — крикнул ему вдогонку Инь Шоу.

— Ладно-ладно, Ваше Величество! Спи на кровати, я на полу лягу. Устроит?

<http://bllate.org/book/17393/1658185>